

Лаврентий Брун

Пробираясь между сугробами по Рождественке к Лаврентию Бруни и проходя мимо Архитектурного института, я вспомнил, что ровно семьдесят пять лет назад в этом здании обосновалась Монументальная мастерская, которой руководил дед Лаврентия — Лев Александрович Бруни. Мастерская Лаврентия — в переулке напротив. Случайное совпадение? Продолжим список «совпадений».

Некоторое время назад Лаврентий расписал цветочным орнаментом потолок лестничной клетки в подъезде своего дома. Я рассказал ему, что в 1945 году, сразу после войны, Лев Александрович сделал то же самое, когда с бригадой художников занимался росписью жилого дома в Москве. Лаврентий страшно удивился.

Еще одно «совпадение». Дед был вольнослушателем Батального класса Академии художеств в Петербурге. Внук в той же категории посещал Суриковский институт.

Оба — автодидакты, иными словами — самоучки. Постигали художественные науки самостоятельно: в общении с другими художниками, в музеях, через книги. Но в основном полагаясь на собственную интуицию, доверяя своему вкусу.

Эти случайные факты, выхваченные из биографий обоих художников, говорят о многом. Прежде всего, о преемственности, о традициях, о нерушимых связях прошлого и настоящего. О том, что охраняет и сохраняет искусство.

С этого и начался разговор. С детских впечатлений. Бабушка Нина Константиновна, вдова Льва Александровича, регулярно устраивала для друзей просмотры его работ. Папка ставилась на рояль, работы перелистывались и сопровождалась рассказами Нины Константиновны. Таким, наверное, и остался в детской памяти дед — в виде картинок, сменяющих друг друга. Тот, в свою очередь, детство тоже провел среди картинок — в музее Академии художеств, где его дед был хранителем.

Впечатления легли на благодатную генетическую почву. Лаврентий сумел воспринять красоту дедовских акварелей. Запомнились не только сюжеты, но и цветовые гармонии. С того момента он был обречен стать художником. И стал им.

Однако у Лаврентия по поводу этих рассуждений есть возражения.

— Ответственность — это комплекс, от которого я избавился. Я даже подписываюсь: «Лаврентий Б». К Бруни это не имеет никакого отношения. Я начинаю свою историю. Мне неинтересно быть чьим-то внуком или правнуком. Я прочел у своего дедушки фразу: «Пращуры и сама фамилия — это очень тяжелое бремя. И довольно трудно через это перешагнуть». Сначала я удивился, а потом понял, что он имеет в виду, и сразу для себя это отрезал.

Так он подчеркивает свою самостоятельность. Для него она — залог свободы. А ею он очень дорожит.

— Дар свободы. Я очень его ценю во всем — в общении с людьми, в образе жизни и, конечно, в искусстве. Нужно уметь только им пользоваться. В художественной школе возненавидел постановочные натюрморты: стул со спинкой, на нем — грязная ткань с пластмассовым лимоном. Уныло до тошноты.

Мне интересно, как он относится к классическому искусству. Знаю, что Лаврентий ездил по Европе от музея к музею. Изучал классику, руководствуясь не только живым интересом, но считая это долгом художника.

— С собой я классическое искусство не ассоциирую, не соединяю со своим делом. Хотя ощущаю в себе внутреннюю традиционность. По-моему, художник должен раскрываться самостоятельно. Должно происходить постоянное постижение самого себя.

Начинал он как уличный художник. Продавал маленькие картинки. Тоже проявление самостоятельности, выбор собственного пути.

Спрашиваю, почему он выбирает большие форматы для работ.

— Все дело в эмоциональности. Я художник эмоциональный. А большой формат помогает передавать эмоции. То, что я делаю, я называю «увеличенной живописью». В моей живописи много ассоциативности. Отсюда отвлеченность, приблизительность. Чтобы все это воплотить, нужен большой формат. Начал с больших цветов. Потому что так никто не делал, и потому, что это трудно. Никто другой не может так делать. И есть спортивный интерес — а сможешь ли ты сам?

Почему именно цветы? Этот вопрос я задал, поскольку не воспринимаю его цветы как реальные объекты традиционных натюрмортов. Скорее это атомы, частицы, из которых слагается картина его мира. А может быть некие знаки или символы, понятые на подсознательном уровне, слагаемые художественного языка.

— Все началось в 1990–1991 годах. Друзья удивлялись и говорили — не сможешь продать. Но дело пошло. Это ассоциации, а не цветы. Они не написаны с натуры. Писать с натуры — отдых для художника. А это работа, большая эмоциональная работа, дело. Как для поэта буквы слагаются в слова, так для меня цветы — основа живописи. Цветы — это почерк, которым я умею хорошо писать. Из цветов я могу написать все — пейзаж, натюрморт, портрет. Цветы для меня как люди.

С цветами он обращается по-хозяйски. Не боится выставить их некрасивыми или чересчур красивыми. Не боится вызвать у зрителя впечатление слащавого китча или полное отторжение. Может облепить ими бутылки или женский торс. Он смелый экспериментатор, для которого в процессе работы перестает быть важным почти все — сколько ушло краски, как будет смотреться, — «все мысли уходят, остаются только свобода и интуиция».

При этом он не издевается над зрителем (как часто бывает в концептуализме), а относится к нему с уважением.

— Выставка — разговор с публикой. Тут не может быть хамства, воспитание не позволяет.

Для Лаврентия пластика — понятие, нерасторжимо связанное с искусством. Все, что он создает — пластично. Да и он сам по-негритянски пластичен — в жестах, движениях, мимике.

Фактура — важнейшее свойство его живописи. Практически все «большие цветы» написаны пастозно. Тут он снова верен себе, потому что такая «волнующаяся» поверхность наиболее эмоциональна, идеально передает малейшее движение руки, фиксирует его на застывшей живописной поверхности и, таким образом, придает значительность. Ведь масляная краска очень пластична. Почти скульптура.

Когда он пишет такие картины-рельефы, то неким образом возвращается в прошлое. Потому что первым опытом самостоятельного творчества была лепка. Именно к ней обнаружился в детстве явный талант. Но, по разным причинам, дело не пошло. Остаются надежды на будущее.

Мне всегда хотелось узнать у художника (художника, чьи работы мне нравятся), ощущает ли он воплощенность своих идей в том, что сделал? Чувствует ли, что состоялся, в одной конкретной работе или в глобальном смысле? (Вопросы, конечно, искусствоведческие, но все же...)

Ответ был художнический.

— Невозможно умом или расчетом довести работу до совершенства. Есть кто-то другой, кто «доводит» за художника — муза, Господь Бог? Я чувствую себя проводником, строителем, который работает по чьему-то плану. Но когда я вижу, что большего сделать не могу, значит, работа закончена.

— Исправлять старые работы? У меня их мало, все проданы или подарены. Но я вижу их несовершенство и многое мог бы поправить.

О гармоничном сочетании талантности и работоспособности говорить не будем. Об этом свидетельствует успешность Лаврентия Бруни.

Уходя из его мастерской, по-новому смотрю на детали. Куча сваленных в углу банок из-под красок — не мусор, а отходы безостановочного производства. Пол — затоптанная палитра. В стене сделано специальное окно для больших картин (в дверь не проходят), чтобы спускать их из мастерской вниз на веревках. Приятное сочетание рациональности и художественного беспорядка.

Шестой этаж пешком. С чердака по лестнице — вниз, в надоевшую московскую слякоть. Остается ощущение, что побывал в каком-то совсем другом мире. Перед глазами цветы. Это радостно. *Андрей Сарабьянов*

A CONVERSATION
WITH LAWRENTY B

Threading along Rozhdestvenka street through snowdrifts on my way to Lawrenty Bruni and passing by the Institute of Architecture I recollected that it was exactly seventy five years ago that his grandfather Lev A. Bruni had founded here a Monumentalist's studio. Lawrenty's studio is in the bystreet just across it. It's a chance coincidence? Well, lets go on with the list of «coincidences».

Some time ago Lawrenty has made a floral ornament on the ceiling of a stairway in his house. I told him that in 1945, just after the war, Lev Aleksandrovich Bruni had done exactly the same with the team of stucco painters when he decorated an apartment house in Moscow. Lawrenty was immensely surprised.

Just another «coincidence». The grandfather was an external student of a battle painting class in the Fine arts academy in St. Petersburg. The grandson was an external student in the Surikov fine arts institute.

Both have been autodidacts, or in other words — self made artists. They had mastered arts on their own in the museums, reading books, learning from other artists. But above all they relied on their intuition and trusted their own taste.

These sporadic facts pin pointed from the biographies of both artists reveal quite a lot. Primarily they speak about succession, about traditions, about intrinsic links between past and present. They speak about the things that upkeep and preserve the art.

That was what we have started our conversation with. We started with the impressions of his childhood. His grandmother Nina Konstantinovna, the widow of Lev Aleksandrovich, has regularly showed his works to their friends. A folder was placed on the piano and the sheets were looked at one after another commented by the stories of Nina Konstantinovna. That's perhaps how the grandfather has been remembered in the child's memory — as a sequence of pictures. In his turn the grandfather had also spent his childhood among the pitures in the museum of the Academy of fine arts where his grandfather had been the curator.

The impressions have touched the fertile genetic ground. Lawrenty perceived the beauty of aquarels of his grandfather. He remembered not only their themes but also their color harmonies. Since then he was doomed to become an artist. And so he has become one.

But Lawrenty has an objection to this line of argumentation.

— Responsibility is a complex. I had to get rid of it. I even altered my signature to «Lawrenty B.» Bruni family has nothing to do with it. I have started my own history. I am not interested in being someone's grandson or a great grandson. I have found a key phrase written by my grandfather. «Ancestors and the surname itself is a very heavy burden. It is rather hard to get rid of it». I was surprised at first. Then I realised what he had in mind and I've instantly cut it off.

That is how he emphasizes his independence. For him it is a token of freedom and he values it a lot.

— The gift of freedom. I value it everywhere — in dealing with people, in my way of life and, naturally, in the art. You just have to know how to use this gift. In the art school I did hate the study still life compositions: a chair with a dirty piece of cloth on it and a plastic lemon. It was dull enough to make me vomit.

I was interested in his attitude towards classical art. I knew that in Europe Lawrenty had travelled from one museum to another. He studied classical art guided not only by curiosity. He considered it the duty of an artist.

I do not associate the classical art with myself. I do not connect it with what I do, though I do feel the inner traditionality. I think that the artist should be revealing himself on his own. This is a constant process of self cognition.

He had started as a street artist. Sold his small pictures. That was also a manifestation of his independence, a choice of his own way.

I ask him why he selects huge format for his pieces.

— This has to do with emotionality. I am a very emotional artist. And huge format helps me to relay emotions. I call what I am doing «a magnified painting». There is lot of associations in my art. Hence comes the detachment, the approximation. To implement all that one needs huge format. I have started with huge flowers. Just because nobody has done it like that, and also because it is difficult. Nobody else can make it like that. And there is an element of sport challenge. Would you be able to do it yourself?

And why the flowers? I asked him this question because I do not perceive his flowers as real objects belonging to traditional still life. They are rather some kind of atoms, the particles that make up the pictures of his universe. Or they could be some signs or symbols perceived at subconscious level as elements of his artistic language.

This has all started in 1990–1991. My friends were baffled and told me I would not be able to sell them. But it went off. These are associations, not just flowers. They are not done from nature. It is a relaxation for an artist to paint things from nature. What I do is work, it's a huge emotional work, a business. Just as for a poet the letters are made into words, for me the flowers are the basic elements of painting. Flowers are like my hand writing to me, the one I am well apt to use. I can paint anything with flowers — a landscape, a still life, a portrait. Flowers to me are just like people.

He treats flowers like a master. He is not afraid to present them as ugly or as excessively beautiful. He is not scared to create an impression of sweet kitch or to cause an utter revulsion of the viewer. He can cover with flowers bottles or a female torso. In his bold experiments

nearly everything ceases to be of importance — how much paint is consumed, how that would look — «all thoughts are gone only freedom and intuition are left».

At the same time he is not mocking the public (as conceptualists frequently do). He treats the viewer with respect.

— An exhibition is a conversation with the public. There is no way for arrogant rudeness here, the education does not permit it.

For Lawrenty plasticity is a notion intrinsic to art. All his creations are full of plasticity. He himself is full of African plasticity in his gestures, movements and mimics.

Texture is a major feature of his painting. Nearly all the «big flowres» are heavily textured. Here again he is true to himself because such a turbulent «wavy» surface is truly emotional. It reflects ideally the miniscule hand movements, and fixes them on solidified painting surface. It introduces the feeling of major significance. Because of the oil paint plasticity it looks almost like sculpture.

When painting such high relief paintings, he somehow gets back to his past. His first experience in creativity was in sculpting. That was where his apparent talent has been revealed since childhood. For some reasons that had no follow up. But hopes for the future do remain.

I always wanted to ask an artist (an artist whose work I admire) does he feel that his ideas have been implemented in what he had done? Does he feel that he had expressed himself in any specific painting or in general? (These are the typical questions of an art critic, but still...)

The answer was truly artistic.

— There is no way to attain perfection either by your wit or by calculation. There is someone else who «reaches» the aspired perfection instead of an artist. Is that the muse or the divine providence? I do feel myself a mediator, a construction worker who implements someone else's plan. And when I see that there is nothing more I can do, that means that the piece is finished.

— To improve or correct the old pieces? I have very few of them. They are all sold out or presented as gifts. But I see their inferiority and I could have improved many things.

Let us not tackle the harmonic combination of his talent and working ability. Lawrenty Bruni's success is a vivid evidence to it.

On leaving his studio I've got a new vision of details. A heap of empty paint tins in the corner is not just waste, but a byproduct of the non-stop working process. The floor is a palette that had been stepped on. There is a special opening for large canvasses cut out in the wall of his studio (they don't fit through the door) to let them down on ropes. There is a pleasant combination of rationality and artistic disorder.

Getting to the sixth floor by foot. And down by the stair case back into the dreaded Moscow snow mess. There is a feeling that you've been to a quite different world. Flowers are blooming in front of my eyes. And that inspires joy. *Andrey Sarabyanov. Translated by Victor Nemchinov*

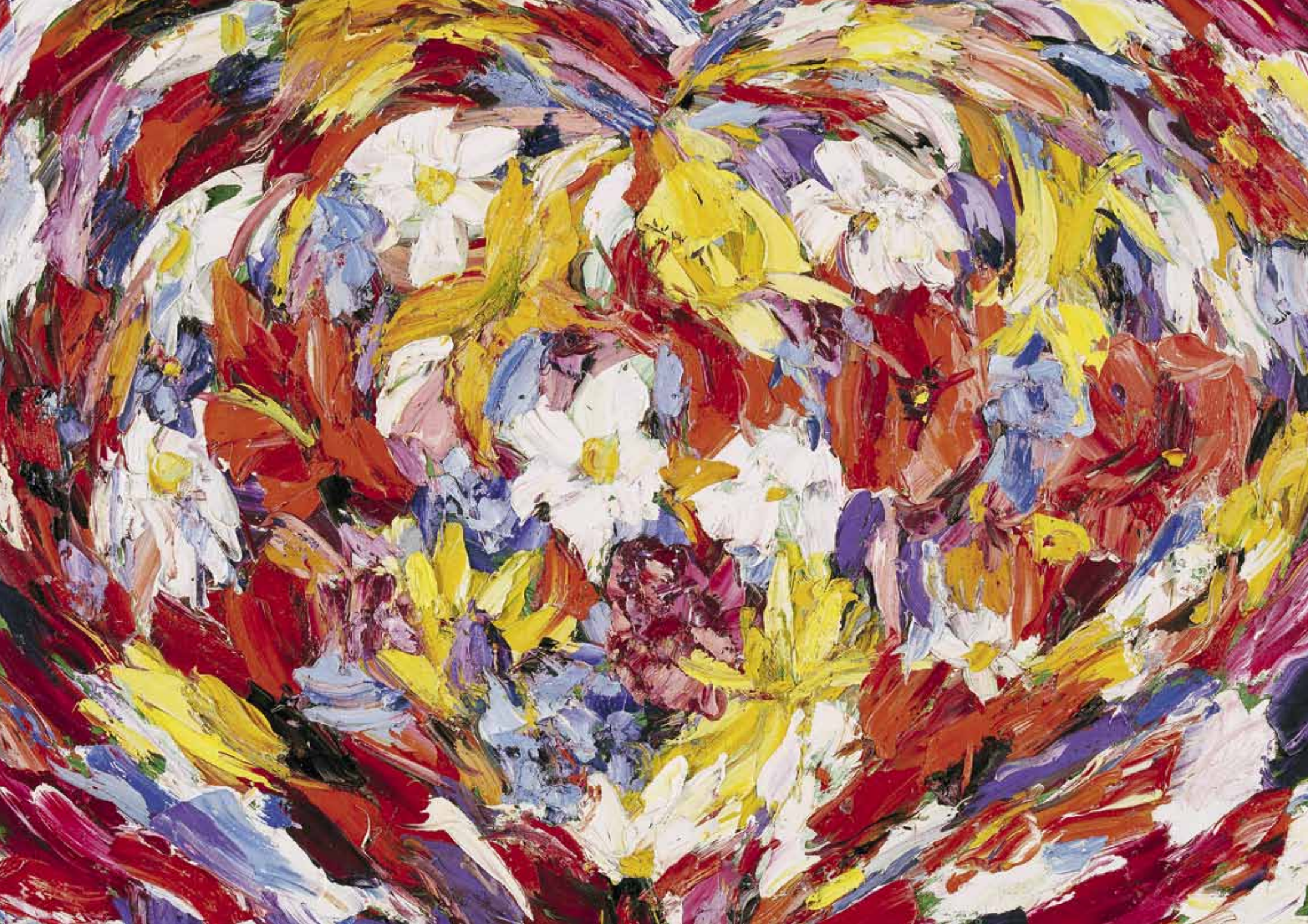

Лабретуни Б.

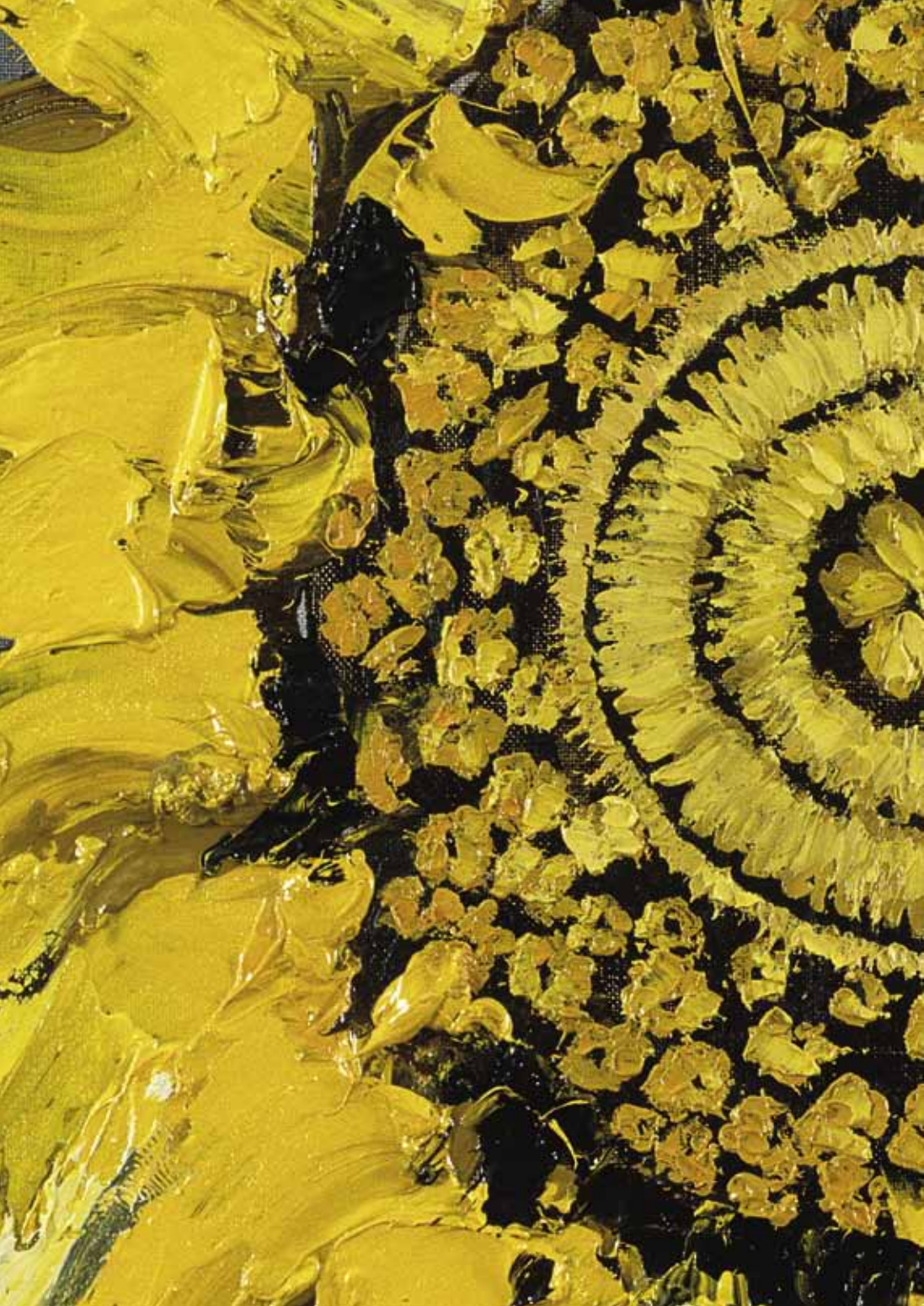
Лаврентий Б

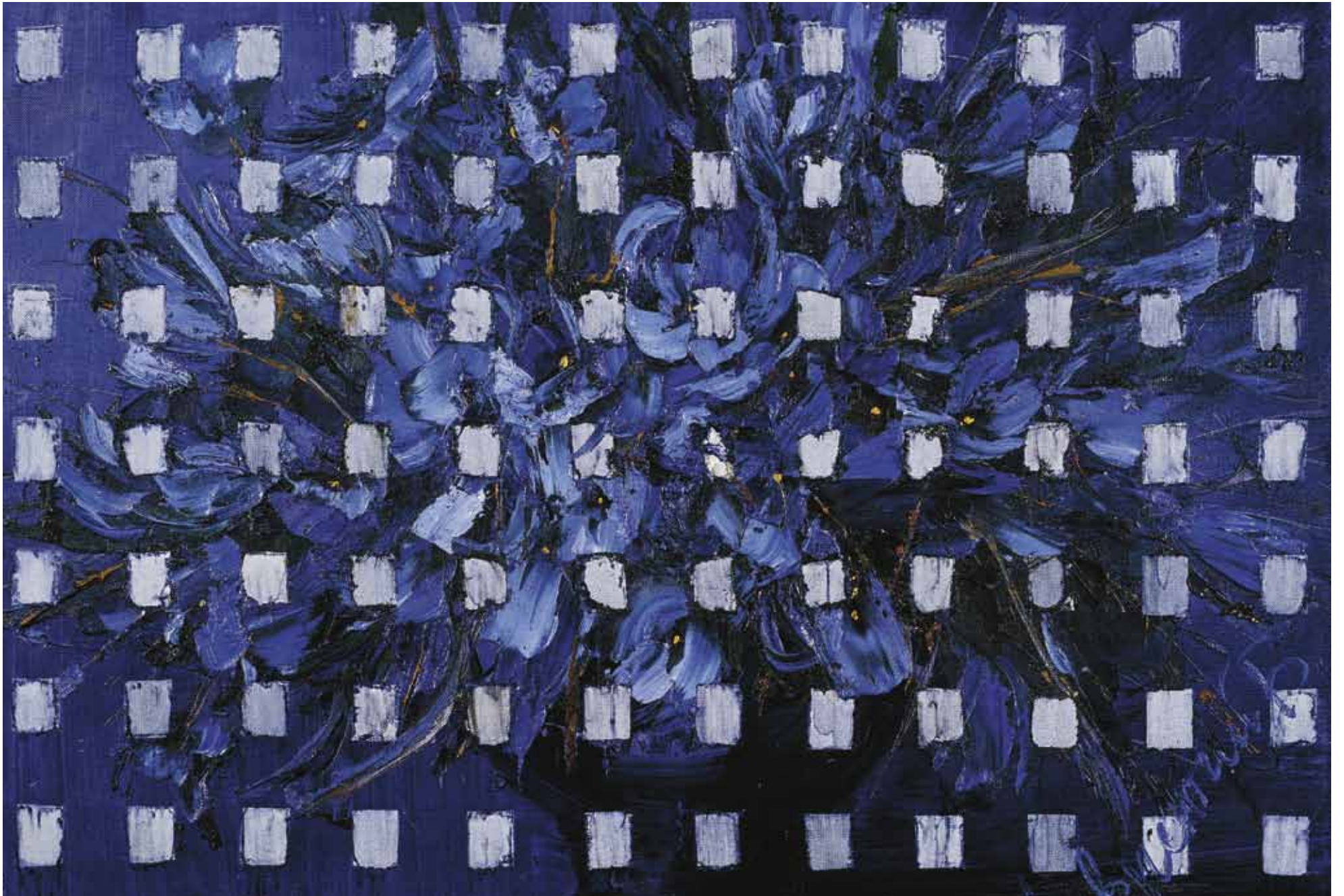

стр./page 08, 09
Серия «Поцелуй»
2010
25×25 см,
оргалит, масло
Series «Kiss»
2010
25×25 см,
hardboard, oil

стр./page 10, 11
Книга
2007
150×400 см
холст, масло
Book
2007
150×400 cm
canvas, oil

стр./page 12, 13
Мак
1995
140×200 см
холст, масло
Poppy
1995
140×200 cm
canvas, oil

стр./page 14, 15
Мак
2005
200×200 см
холст, масло
Poppy
2005
200×200 cm
canvas, oil

стр./page 16, 17
Фрагменты Мака
Fragments of Poppy

стр./page 16, 17
3 мака
3 Poppies

стр./page 18
Пустота
2001
140×140 см
холст, масло
Emptiness
2001
140×140 cm
canvas, oil

стр./page 19
Красный шар
Red Ball

стр./page 20
Красная струя
2007
160×180 см
холст, масло
Red jet
2007
160×180 cm
canvas, oil

стр./page 21
Крест (Любовь)
2001
150×120 см
холст, масло
Cross (Love)
2001
150×120 cm
canvas, oil

стр./page 22, 23
Искусство умирать
Art of Dying

стр./page 24, 25
Книга (маленькая)
Book (Small)

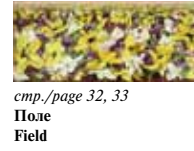
стр./page 26, 27
Письмо (красное)
Letter (red)

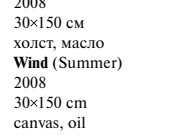
стр./page 28, 29
Сердце
2006
80×100 см
холст, масло
Heart
2006
80×100 cm
canvas, oil

стр./page 30, 31
Письмо (желтое)
Letter (yellow)

стр./page 32, 33
Поле
Field

стр./page 34, 35
Ветер (Лето)
2008
30×150 см
холст, масло
Wind (Summer)
2008
30×150 cm
canvas, oil

стр./page 36, 37
Два нарцисса
2006
150×400 см
холст, масло
Two Daffodils
2006
150×400 cm
canvas, oil

стр./page 38, 39
Золотые шары
2006
136×87 см
холст, масло
Golden Balls
2006
136×87 cm
canvas, oil

стр./page 40, 41, 43
Подсолнух
Sunflower

стр./page 42
Желтое настроение
2007
200×180 см
холст, масло
Yellow Mood
2007
200×180 cm
canvas, oil

стр./page 44, 45
Книга (маленькая)
Book (small)

стр./page 46, 47
Букет розовый
Pink Bouquet

стр./page 48–51
Падающие цветы
2007
340×170 см
холст, масло
Falling Flowers
2007
340×170 cm
canvas, oil

стр./page 52, 53
Ветер (Зима)
2008
30×150 см
холст, масло
Wind (Winter)
2008
30×150 cm
canvas, oil

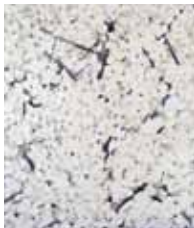
стр./page 54
Хризантема
2005
200×150 см
холст, масло
Chrisanteme
2005
200×150cm
linen, oil

стр./page 55
Яблоня
2010
30×20 см
холст, масло
Apple tree
2010
30×20 cm
canvas, oil

стр./page 56
Улыбка
2007
230×120 см
холст, масло
Smile
2007
230×120 cm
canvas, oil

стр./page 57
Белые цветы
2010
200×160 см
холст, масло
White Flowers
2010
200×160 cm
canvas, oil

стр./page 58, 59
Букет белый
2010
140×200 см
холст, масло
White bouquet
2010
140×200 cm
canvas, oil

стр./page 60, 61
Зеленое сердце
2006
160×200 см
холст, масло
Green heart
2006
160×200 cm
canvas, oil

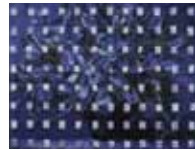
стр./page 62, 63
Четыре букета
Four bouquets

стр./page 64, 65
Сирень
2006
197×148 см
холст, масло
Lilac
2006
197×148 cm
canvas, oil

стр./page 66, 67
Синий цветок
1996
150×200 см
холст, масло
Blue Flower
1996
150×200 cm
canvas, oil

стр./page 68, 69
Синий букет
Blue Bouquet

стр./page 70, 71
Ирисы
Iris

стр./page 72, 73
Салют
2010
50×70 см
холст, масло
Salute
2010
50×70 cm
canvas, oil

стр./page 74, 75
Фиолетовый цветок
1996
150×200 см
холст, масло
Violet Flower
1996
150×200 cm
canvas, oil

стр./page 76, 77
Полная луна
2001
140×150 см
холст, масло
Full Moon
2001
140×150 cm
canvas, oil

стр./page 78, 79
Спираль
200×200 см
холст, масло
Spiral
200×200 cm
canvas, oil

стр./page 80, 81
Дорога
1993
150×200 см
холст, масло
Road
1993
150×200 cm
canvas, oil

стр./page 82, 83
Поцелуй
2006
140×160 см
холст, масло
Kiss
2006
140×160 cm
canvas, oil

стр./page 84
Невеста
2005
200×140 см
холст, масло
Bride
2005
200×140 cm
canvas, oil

стр./page 84
Снежная баба
2005
200×140 см
холст, масло
Snow woman
2005
200×140 cm
canvas, oil

стр./page 85
Гладиолусы
2005
200×140 см
холст, масло
Gladioluses
2005
200×140 cm
canvas, oil

стр./page 85
Ирис
2005
200×140 см
холст, масло
Iris
2005
200×140 cm
canvas, oil

стр./page 86, 87
Тюльпаны
2010
200×40 см
холст, масло
Tulips
2010
200×40 cm
canvas, oil

стр./page 88
Когда цветут сады 1
2010
200×114 см,
бумага, акварель,
белая тушь
When the Gardens Blossom 1
2010
200×114 cm,
paper, watercolor,
white ink

стр./page 89
Когда цветут сады 2
2010
200×114 см
бумага, акварель,
белая тушь
When the Gardens Blossom 2
2010
200×114 cm
paper, watercolor,
white ink

стр./page 90, 91
Тарелки
1999
Plates
1999

Обложка
Ветер. Зима
2008
30×150 см
холст, масло
Cover
Wind. Winter
2008
30×150 cm
canvas, oil

Форзац
Серия «**Попелуй**»
2010
25×25 см
оргалит, масло
Endpaper
Series «**Kiss**»
2010
25×25 cm
hardboard, oil

Форзац
Василек
2010
12×12 см
холст, масло
Endpaper
Blue-bonnet
2010
12×12 cm
canvas, oil

Лаврентий Бруни «Цветы»
Автор статьи: Андрей Сарабьянов
Перевод: Виктор Немчинов
Фото работ: Александр Савельев
Фото Лаврентия Бруни: Ирина Руиз

Дизайн ZOLOTOfgroup

Lavrentiy Bruni «Flowers»
Autor: Andrey Sarabyanov
Translation: Victor Nemchinov
Foto of works: Alexandre Savelyev
Foto of Lavrenty Bruni: Irina Ruiz

Design by ZOLOTOfgroup

2010